

Глава 8

— Глава, глава!

Едва иссиня-чёрное небо на востоке посветлело, Хэ Шэнь, услышав первый петушиный крик, принялась колотить в дверь Вэй Сяо.

Дверь со скрипом отворилась.

На пороге стоял Вэй Сяо с лицом, искажённым яростью. На коже, видневшейся в дверном проёме, всё ещё виднелись следы от карты, на которой он уснул: один отпечаток — от Крепости семьи Ли, другой — от какой-то неизвестной местности.

— Что случилось?! — рявкнул он.

— Глава! Прошу тебя, пойдёшь к нему!

Тётушка выглядела так, словно это её разбудили среди ночи и довели до предела. Она протиснулась в комнату за мгновение до того, как Вэй Сяо захлопнул дверь, и, плюхнувшись на стул, принялась изливать душу:

— Как только ты ушёл, он начал всё крушить! Ладно бы чашки да тарелки, но он даже зеркало со столика сорвал и разбил! Силы-то откуда только взялись? Я испугалась, что он снова поранится, вбежала, а он и в меня швыряться начал! За что мне такое наказание? Кто его разозлил, на того пусть и бросается! Не я же в этом виновата!

Вэй Сяо с недовольным видом убирал со стола карту городских укреплений. Услышав её причитания, он замер.

Хэ Шэнь, не замечая ничего вокруг, продолжала выплёскивать накопившееся. Её глаза покраснели, а взгляд стал диким:

— Кое-как он уgomонился. Я велела принести ему деревянную мебель, которую смастерила в прошлом месяце, — её-то не разобьёшь. Так он сел и давай плакать. Сквозь слёзы и всхлипы бормочет, что хочет видеть Вэй Сяо. Я говорю: конец месяца, Глава занят, а он твердит, что я вру. Есть отказался. Я его полдня уговаривала, а юноша упрямый, как осёл, — ни крошки в рот не взял! Мне уже снится, как я его кормлю! Я больше не могу, Глава! Ну сходи ты к нему, что с тобой станется?

Мужчина всё ещё злился на Дуань Фэньюэ.

— Не пойду! — упрямо отвернулся он.

Глаза тётушки расширились. Казалось, она вот-вот упадет в обморок от злости на этих двоих.

— Да он же объявил голодовку! С тех пор как приехал в крепость, почти ничего не ел, на нём лица нет, кожа да кости остались! Тебе его совсем не жалко? Это твой супруг! Почему я одна об этом беспокоюсь?

Вэй Сяо скрестил руки на груди, его губы плотно сжались от раздражения.

— Добавь ему в воду мёду. От голода не умрёт, — процедил он.

Хэ Шэнь почувствовала, что происходит что-то неправильное. Она подалась вперёд, вглядываясь в лицо собеседника.

— Глава, я не понимаю. Вы же поженились, почему нельзя сесть и спокойно поговорить? Он же сам зовёт тебя, ну так иди.

От этих слов мужчина окончательно вспыхнул:

— А я, по-твоему, с ним не говорил? Я ему твердил: в твоей столице все приличные люди давно умерли, а те, что остались, — либо волки, готовые тебя сожрать, либо те, кому на тебя наплевать. Вернёшься — только хуже будет! И что, он послушал? Он вообще хочет слушать? Он хоть слово понял?! Всё твердит, что хочет вернуться к своему ублюдку-отцу. Я что, могу его отпустить?

Женщина, не зная всех подробностей, слушала с непониманием. Она хотела было расспросить ещё, но Вэй Сяо оборвал её взмахом руки:

— Не волнуйся так. Иди к себе и ложись спать, не нужно за ним так пристально следить. Он просто шантажирует меня, как ребёнок, который закатывает истерику, выпрашивая сладости. Поверь, ничего страшного не случится.

Хэ Шэнь и вправду была измотана. Раз Глава так уверен, она, хоть и с сомнением, поднялась со стула.

— Тогда я...

Вернусь спать?

Она не успела закончить фразу, как снаружи раздался отчаянный, полный тревоги крик Фэн Ху:

— Глава! Твой супруг повесился!

Вэй Сяо как раз пил воду, чтобы смочить пересохшее горло. Он едва не поперхнулся, в ярости швырнул чашку на пол и, скрежеща зубами, вылетел из комнаты.

— Дуань Фэньюэ! Ну ты и мерзавец!

Разбитая посуда, голодовка — на всё это Вэй Сяо закрывал глаза. Он знал, что супруг не глуп и понимает: раз уж он решил заставить Главу вернуть его в столицу, ему нельзя наносить себе вред. Но повешение — это совсем другое. С такой больной ногой непонятно, как он вообще взобрался на табурет. Он не мог стоять устойчиво, и любая случайность могла стать роковой.

Дуань Фэньюэ и вправду не отличался особой сообразительностью. Ему потребовалось два дня раздумий, чтобы найти то единственное, что заставит Вэй Сяо уступить.

Его собственная жизнь.

Когда он прыгнул со скалы, мужчина бросился за ним. Значит, и в этот раз он придёт.

«Неужели не придёт?..»

Дуань Фэньюэ пробормотал это едва слышно. Его опухшие веки с трудом приоткрылись, чтобы бросить взгляд на окно.

Дверь он запер изнутри. За окном мелькали тени, слышались беспорядочные шаги и суета, но звука голоса, который он так ждал, всё не слышалось.

Юноша стоял на табурете на одной ноге, вторая висела в воздухе, и малейшее движение отдавалось пронзительной болью в сломанной конечности. Силы были на исходе, он едва держал равновесие.

Шмыгнув носом, он с тоской потянул за полоску ткани, перекинутую через балку. Убедившись, что она держится крепко, юноша сжал её до побеления пальцев.

Наверное, от постоянных тревог ему ночью снова приснился сон.

Во сне папа сидел у его кровати и нежно гладил по лбу. Голос звучал призрачно и нереально:

«Перед смертью он обещал мне, что будет хорошо заботиться о моём Юэ-гээр, он...»

Точно. Всё верно.

«Это было предсмертное желание папы, поэтому отец не причинит мне вреда. Это всё Вэй Сяо. Вэй Сяо меня обманул»

В пересохших глазах, где, казалось, не осталось слёз, снова вспыхнула горячая влага. В голове не было иных помыслов, кроме возвращения в столицу. Ради этой цели он был готов на всё. Юноша закусил губу и медленно закрыл глаза...

— Бам!

Дверь слетела с петель от мощного удара. В комнату ворвался Вэй Сяо, пышущий яростью. Он увидел, как Дуань Фэньюэ, покачиваясь, пытается накинуть на шею петлю. В панике мужчина бросился вперёд.

Табурет выбили из-под ног, но тело не повисло. Его подхватили сильные, надёжные руки, а затем в уши ударил поток гневной ругани:

— Даже умереть не можешь пристойно! Хочешь стать призраком с высунутым языком? Подними подбородок, дай я посмотрю.

— Вэй Сяо, Вэй Сяо... — забормотал юноша, не обращая внимания на грубость.

При виде него слёзы покатились градом. Глаза Дуань Фэньюэ опухли и стали похожи на грецкие орехи. Он перехватил руку мужчины, тянущуюся к его шее, и торопливо выплеснул всё, что готовил в уме эти дни:

— Отпусти меня. Я хочу в столицу, правда хочу, я не могу больше здесь оставаться... Я знаю, ты против. Давай я дам тебе много денег, хорошо? В Резиденции государя-князя их в достатке. Как только я вернусь, попрошу у бабушки векселя и всё перешлю тебе.

Он видел, как лицо Вэй Сяо темнеет с каждым словом, и сжал его ладонь ещё крепче, почти в истерике:

— Если тебе не нужны деньги, у меня есть другое... Мой дед, покойный Левый генерал Цуй Лефэн, пользовался огромным уважением в правительстве. Я попрошу его бывших учеников подыскать тебе чиновничью должность, хочешь? Всё можно устроить, только позволь мне уехать, я сделаю всё, что...

Он задохнулся от рыданий, не в силах продолжать, и принялся неуклюже утирать слёзы, с мольбой глядя на Главу.

За последние дни юноша страшно исхудал. Сейчас он, словно бесплотная тень, опирался на руки Вэй Сяо, и от этого зрелища у того перехватило горло.

Если бы слава и богатство имели для него значение, разве Дуань Фэньюэ не предложил бы их раньше? Он ведь знал, что Главе плевать на такие вещи.

Он сулил ему золото и высокие посты. Но его дрожащий голос, трепещущие ресницы и слёзы, катящиеся по лицу, говорили Вэй Сяо о другом.

На самом деле он хотел сказать лишь одно: «Пожалуйста, умоляю тебя».

За всю свою жизнь Дуань Фэньюэ ни перед кем не склонял головы. Когда в восемь лет в школе сверстник толкнул его так, что на шее остался шрам, папа не учил его прощать или быть выше этого. Папа учил его отвечать ударом на удар. Он говорил, что Юэ-гээр — самое ценное сокровище их резиденции, и никто не смеет его задевать. Он научил его владеть кнутом, чтобы у сына всегда была опора.

Больше десяти лет Дуань Фэньюэ вёл себя в столице гордо и дерзко, но в один миг всё рухнуло, и он оказался во власти Вэй Сяо.

Он ничего не мог с ним поделать. Он мог только просить.

У Вэй Сяо ком встал в горле. Его руки, поддерживающие юношу, мелко дрожали, а в груди словно вырвали кусок сердца. Краска сошла с его лица.

— Я... — начал он охрипшим от волнения голосом.

<http://bllate.org/book/15963/1664105>